

Британии. А Тристраму и Изольде в это время как раз ужасно захотелось пить. Увидев в углу золотой кувшин и думая, что в кувшине вино, они с удовольствием выпили по целому кубку волшебного напитка. И если раньше они любили друг друга ещё неясно, неосознанно, то теперь полюбили такой любовью, которая не кончается и со смертью. А дама Брангвейна, когда увидела, что кувшин пуст, поняла: произошла беда, и горевала, и убивалась, но сделать уже ничего не могла, ибо что случилось, то случилось.

Тут корабль прибыл в Корнуолл, где встретили его с ликованием король Марк и его свита. И вскоре в Тинтагиле сыграли пышную свадьбу. Король Марк был счастлив. Но Изольда Прекрасная с трудом терпела своего мужа и желала видеть одного лишь сэра Тристрама.

А в это время жил в Корнуолле рыцарь по имени Паломид. Так вот, этот самый Паломид влюбился в Изольду Прекрасную и однажды под покровом ночи выкрал её и повёз в свой замок. Однако король Марк не решился спасать жену: он был трусоват и боялся, что Паломид его убьёт. Но не таков был Тристрам. Узнав о похищении, он бросился вдогонку и, настигнув Паломида, вступил с ним в бой. Долго бились рыцари, ибо Паломид был могучим бойцом. Оба жестоко поранили друг друга. И всё же спустя несколько часов сэр Тристрам сумел нанести Паломиду такой удар, что тот рухнул на землю как подкошенный. А сэр Тристрам посадил Изольду перед собой на коня и вернулся в Тинтагиль. И радовались в Тинтагиле и стар и млад победе Тристрама. И все называли его героем. Но король Марк, на словах приветствуя Тристрама и благодаря его за чудесное спасение Изольды, в душе затаил против него недоброе, поскольку уже стал замечать, с какой нежностью смотрят друг на друга его жена и Тристрам. А те постоянно встречались где только могли: и в замке, и в саду, и в лесу. И, когда знали, что их никто не видит, ходили, держась за руки, как дети. Так день за днём проводили они в радости и веселье. Меж тем дальний родственник Тристрама сэр Андрет, ненавидевший великого рыцаря за его силу и благородство, задумал его погубить. И стал он шпионить за сэром Тристрамом. Однажды, подглядев, как сэр Тристрам вошёл ночью в спальню Изольды Прекрасной, сэр Андрет донёс об этом королю Марку. Король, выйдя из себя от гнева, взял двенадцать рыца-

рей, среди которых был и сэр Андрет, и напал на Тристрама. Тристрам искусно защищался и даже сумел в схватке поразить сэра Андрета. Затем он укрылся в часовне на берегу моря и довольно долго оборонялся от рыцарей короля Марка. Но тут чья-то отравленная стрела попала ему в грудь. И вскоре понял Тристрам, что силы его иссякают. Тогда он исхитрился захлопнуть перед нападавшими дверь, выломал оконную решётку и, выпрыгнув из окна, упал на прибрежные камни.

Когда люди Марка увидели окровавленного Тристрама, они решили, что он умер, и оставили его в покое. Тристрама нашёл верный Говернал и перенёс его в свой дом. Несколько дней Тристрам пролежал в бесспамятстве. Когда же пришёл в себя, то первым делом спросил:

— Где Изольда?

— Она в лачуге у прокажённых, — ответил Говернал. — Её отправил туда король Марк.

И вскочил Тристрам, несмотря на рану, и поскакал туда, где томилась его любимая, и увёз её далеко-далеко, в самую чащу дремучего леса. Там он построил из веток ивы шалаш, укрыл его сверху тёрном и папоротником, а изнутри застелил мхом и сухими листьями. И в этом шалаше они провели с Изольдой Прекрасной несколько месяцев. Неслёжкой была их жизнь. Оба похудели, осунулись и побледнели. К тому же рана на груди Тристрама не заживала — Изольда не могла найти в том лесу нужного противоядия. И всё же их лица постоянно светились счастьем, ибо Тристрам и Изольда любили друг друга. Даже угрызения совести не слишком-то их донимали.

А меж тем королю Марку сообщили, что Тристрам остался жив, вызволил Изольду из заточения и где-то с нею укрылся. Король Марк пришёл в ярость. Он поклялся им обоим отомстить и объявил, что даст сто золотых монет тому, кто сообщит, где скрываются беглецы. И конечно, такой человек вскоре нашёлся. Им оказался старик-крестьянин. Он рассказал Марку, что недавно в лесу видел шалаш, а рядом с ним — рыцаря и даму, похожих по описанию на Тристрама и Изольду. Взяв крестьянина провожатым, король Марк сей же час отправился со своими воинами в лес. Он надеялся убить сэра Тристрама. Но того в шалаше не оказалось: Тристрам в это время охотился. Марк не стал его дожидаться, а схватил

Изольду, отвёз в замок Тинтагиль и держал с этого дня взаперти. Поэтому Изольда даже весточки не могла отправить любимому.

А Тристрам, возвращаясь с охоты и заметив на поляне пред шалашом множество конских следов, ощутил вдруг на сердце ледящий холод. Он бросился в шалаш и, не найдя Изольду, стал кричать и звать её. Но никто ему не ответил. «Её увёз Марк!» — понял Тристрам и от этого впал в такое отчаяние, что даже слёг. Да и отравленная рана мучила его всё сильнее, так что не было у него сил вернуться в Тинтагиль.

Прошло довольно много времени. Король Марк, видя, что Тристрам не появляется, освободил наконец Изольду из заточения. В тот же день Изольда пошла к Говерналу, поведала ему обо всём случившемся и отправила его к Тристраму с посланием. «Любимый, — говорилось в том письме, — не беспокойся за меня. Марк, пусть ненадолго, но сменил гнев на милость. Лишь одно сейчас мучает меня: твоя рана. Поэтому прошу тебя, отправляйся, не теряя времени, в Бретань к королю Хоуэллу. Ибо, как я узнала от дамы Брангвейны, а та — от старой опытной ведуньи, тебя может исцелить только его дочь Изольда Белорукая».

Послушался Тристрам Изольду и отплыл вместе с верным Говерналом в Бретань. Там король Хоуэлл принял его с распростёртыми объятиями как одного из величайших рыцарей мира, и тотчас препоручил заботам дочери своей, Изольды Белорукой. И вскоре Тристрам благодаря её стараниям и в самом деле полностью излечился.

А в это время в Бретань вошли отряды некоего графа по имени Агрип. В жестоком сражении они разбили армию короля Хоуэлла и осадили его замок. Тут только король вспомнил о Тристраме и обратился к нему за помощью. Тристрам не мог отказать королю, чья дочь вылечила его. Он вызвал графа Агрипа на бой, убил его, а затем, встав во главе остатков королевской армии, выгнал врагов за границу Бретани.

Когда Тристрам вернулся в замок, счастливый король Хоуэлл обнял рыцаря и предложил ему в знак особой признательности половину своих земель и руку своей дочери Изольды. И Тристрам не отказался. Он уже давно испытывал к Изольде Белорукой нечто похожее на любовь, ибо она была добра к нему, нежна и к тому же необычайно хороша собой. А уж Изольда Белорукая без памяти влюбилась в Тристрама ещё тогда, когда

он только появился в Бретани. Так что вскоре они сыграли свадьбу, и на какое-то время Тристрам даже забыл свою Изольду Прекрасную. На него словно затмение нашло. Зато когда вспомнил, впал в такую тоску, что хоть удавись. Теперь он только об Изольде Прекрасной и думал. А тут ещё долетела до него весть о том, что сэра Ланселот ужасно возмутился, узнав о его свадьбе. «Рыцарь, предавший свою даму сердца, не достоин называться рыцарем, — так сказал Ланселот. — И потому отныне я считаю сэра Тристрама своим врагом». Вот и решил Тристрам, что пришла для него пора покинуть Бретань. Вызвав к себе Говернала, он приказал ему втайне от всех снарядить корабль и вскоре отплыл на нём к берегам Британии. И снова, как уже было однажды, разбушевавшееся море вынесло корабль прямо под стены Камелота.

А в это время в Камелоте должен был состояться турнир, где главным призом было трёхрядное рубиновое ожерелье. История этого ожерелья такова. Король Артур однажды нашёл в горах, в орлином гнезде, девочку нескольких месяцев отроду с рубиновым ожерельем на шее. Гиньева всем сердцем полюбила малютку, называла её своей пташкой и забывала с ней обо всех заботах. Но, к несчастью, девочка спустя год заболела и умерла. Тяжело было королеве глядеть на её ожерелье, поэтому она отдала его Артуру с тем, чтобы король сделал ожерелье наградой на состязаниях. И вскоре по всей Британии гонцы разнесли весть о предстоящем турнире. Однако король на нём не мог присутствовать: он в те дни отправлялся в северные земли усмирять своих врагов-рыцарей, презревших законы Круглого стола. А вместо себя Артур поручил быть судьёй на турнире сэру Ланселоту.

— К чему вам участвовать в этих состязаниях? — сказал он. — Чтобы вручить Гиньева её же собственность? Не правда ли, я хорошо придумал?

— Да, хорошо, — ответил Ланселот. — И всё же лучше бы вы не уезжали...

Тем утром турнир начался под не слишком стройную музыку дождя и ветра. Ланселоту было скучно. Он нередко замечал, что правила поединков нарушаются, но молчал. На поле царила неразбериха. То тут, то там вспыхивали совсем не рыцарские потасовки. И вдруг раздался громопо-

добный рёв. Это зрители приветствовали рыцаря, одетого в кольчугу цвета лесной зелени, по которой бежало сто крохотных серебристых оленей. На голове рыцаря был шлем, увенчанный не гребнем, а веткой остролиста. И понял Ланселот, что в состязания вступил сэра Тристрам. Ланселот даже застонал от ярости и впился руками в золотых драконов, бегущих по ручкам трона. Ибо с тех пор, как он узнал, что Тристрам изменил Изольде Прекрасной, Ланселот мечтал лишь об одном — схватиться с Тристрамом. Большинство рыцарей, увидев Тристрама, отпрянуло от него к ограде. А те, что всё же выступили против него и с ним сразились, были с лёгкостью им побиты. Так Тристрам победил, и Ланселот вручил ему рубины, однако при этом сказал с издёвкой:

— Турнир ты выиграл, но самым чистым из нас всё равно не стал.

Тристрам, возмущившись, ответил:

— Что ж ты мне бросаешь награду как кость голодной шавке? Да, я не лучше, но и не хуже тебя. И со своей королевой я столь же счастлив, сколь и ты со своей!

И ускакал Тристрам из Камелота, помчался по лесным тропам, по заросшим холмам и золотым лугам на запад, к суровым землям Лионесса, сопровождаемый только свистом да плачем ветра. Наконец въехал он в знакомый лес и вскоре увидел тот самый шалаш из веток ивы, который он построил когда-то для Изольды Прекрасной. И сразу же на него нахлынули воспоминания о чудесном времени, что они провели здесь вдвоём. Войдя в шалаш, Тристрам прилёг на сухие листья, надеясь хоть немного отдохнуть. Сначала сон к нему не шёл. Всё думалось Тристраму, как бы получше сказать Изольде о своей женитьбе. Он надеялся, что в своём уединённом Тинтагиле Изольда Прекрасная, далёкая от придворной болтовни Камелота, ничего о его свадьбе не слышала. Затем Тристрам уснул, и приснилось ему, что идёт он по бретонскому берегу вместе с Изольдой Прекрасной и Изольдой Белорукой и вынимает из кармана рубиновое ожерелье. Вдруг обе прекрасные девы вцепляются в ожерелье и начинают вырывать его друг у друга. Наконец Изольда Прекрасная сжала его с такой силой, что рука её покраснела. Тогда бретонка воскликнула, обращаясь к Тристраму: «Зачем ей рубины? Её рука и так красна, как кровь! Зато моя свежа, словно цветок, и бела, как снег!» Тут обеих дев накрыли

орлиные крылья, раздался детский плач, и в тот самый миг, когда девы разорвали ожерелье, Тристрам проснулся, и опять пред его взором был убогий шалаш, за стенками которого стонал ветер. Тогда Тристрам вскочил на верного коня и вновь помчался вперёд.

Спустя полдня оказался он в тёмном мрачном лесу и, протрубив, услышал невдалеке собачий лай. То лаяли гончие псы короля Марка. Понял Тристрам: «Король Марк сейчас на охоте». Тогда он свернул в сторону и вскоре увидел перед собой в вечерней мгле стены и башни Тинтагиля, чьи бойницы глядели с одной стороны на море, а с другой — на лес.

Королева Изольда в это время сидела в своём покое на вершине башни и при свете свечи ткала шпалеру. Услышав на лестнице шаги Тристрама, она вскочила, залилась краской и, выбежав за двери, его обняла.

— Я знала, что это не Марк! — воскликнула она. — Шаги без всяких слов сказали мне — не он! Марк крадётся по замку, словно кот, ты же шагаешь — как воин. Тебя он ненавидит так же, как я его. А я его — смертельно!

— Бог с ним, с Марком! — улыбнулся Тристрам. — Я здесь, и это главное!

— Ты его не встретил? — спросила Изольда. — Он сегодня уехал охотиться на три дня. Однако может вернуться и через час. Такой уж у него характер! Не ешь с ним, не пей и, проезжая через лес, опускай забрало, чтобы стрела, пущенная из чащи, не оставила меня пред Марком и пред адом без защиты! Как же я тебя люблю и как же счастлива, что ты здесь! Но скажи, пред какую дамой ты в последний раз стоял на коленях?

— Пред великой королевой Гиньеврой, как теперь пред тобой — великой королевой моей любви. Ты теперь стала ещё прекрасней, чем тогда, когда твои пленительные ножки впервые ступили на британский берег.

— Лыстец, — рассмеялась Изольда, но уже спустя мгновение её лицо помрачнело, и она произнесла с горечью: — А до того пред кем? Пред Изольдой Белорукой на бретонском берегу? Однажды летом я сидела тихой ночью у ручья и пела песню, которую когда-то пел мне ты. При этом я раз или два негромко произнесла твоё имя. И вдруг блеснула молния, раздался гром, и в серном, серо-зелёном дыме явился мне дьявол. То был Марк. Уж таков его обычай — подкрасться незаметно в темноте. «Он с

нею обвенчался», — сказал, нет, прошипел он и сей же миг исчез. А я лишилась чувств. Когда же пришла в себя, то решила: уйду в монастырь. Ты же в это время был со своей новой Изольдой...

— Не быть тебе монахиней, — играя её рукой, сказал Тристрам, — ибо нет мне жизни без тебя, и я больше никогда тебя не покину. А об Изольде Белорукой забудь. Хладнокровна, кротка и набожна, вот она-то и посвятит себя Богу! Но что мы всё о ней да о ней. Лучше посмотри, какой я привёз тебе подарок. Недавно я завоевал его для тебя на турнире в Камелоте.

И при этих словах Тристрам достал драгоценное ожерелье. В колеблющемся свете свечи рубины казались багровыми каплями крови.

— Тристрам, мне почему-то страшно глядеть на эти камни, — сказала Изольда. — Кажется, что в них таится смерть.

— Ничего не бойся. Это всего лишь ожерелье. И потом, я ведь рядом с тобой, — ласково ответил Тристрам.

Но в тот момент, когда он нагнулся, чтобы поцеловать украшенную ожерельем шею, позади него, соткавшись из темноты, вдруг выросла тень, раздался крик: «Таков обычай Марка!» — и Тристрам пал с раскроенной головой.

Ненадолго пережила Изольда своего любимого. Она умерла от горя. Похоронили её рядом с Тристрамом. И вскоре на их могилах выросли два куста терновника, которые так сильно сплелись ветвями, что их невозможно было разделить. Ибо истинная любовь не исчезает и после смерти.

